

Дереку, Райану, Рейчел и Квину.

Большая дорога
Лето
Округа Укатанани и Мискалуса

Похороны Джона Боуи

Городок Хэрроуз, раскинувшийся у северной оконечности Большой дороги, наслаждался миром и покоем, которые были дарованы ему его удаленным местоположением. Вдобавок он считался самым богатым поселением из всех, что были разбросаны по двум округам, — и дома здесь были больше, и построены они были из роскошного камня, а иные насчитывали до десяти спален! Садики, прятавшиеся за домами, шириной не уступали самой Большой дороге, а крыши вздымались выше верхушек стоящих вдоль улицы ив. И ко всему этому Хэрроузу доставалось гораздо больше солнечного света, чем всем прочим городкам и поселениям в округе, — густые тени деревьев, достигавшие самой кромки полей, не затеняли фасадов. Залитый солнечными лучами, удаленный от дорожного шума и гама, богатый внутри и снаружи, Хэрроуз представлялся идеальным местом для жизни.

Но все достоинства городка не мешали его жителям умирать.

Джон Боуи убедился в этом на собственном опыте.

— Вот и он уходит, — сказала Кэрол Эверс. Она стояла подле своего мужа, Дуайта Эверса, и смотрела в открытую могилу, где лежал ее друг Джон Боуи. В слезах, стоявших в глазах Кэрол, отражалось тело умершего. Гроба у Джона Боуи не было.

Один из тех, кого более других любили в Хэрроуз, Боуи был остроумцем и весельчаком и неизменно становился душой любой компании. Его искрящиеся весельем глаза задорно смотрели через толстые стекла очков, а неумеренный аппетит льстил хозяйкам, которые целый день стояли у плиты, готовя снедь для вечеринки.

Джон Боуи был отличным человеком.

Как говорится, человек-праздник.

Для Дуайта Эверса Джон Боуи, ближайший друг Кэрол, не представлял никакой опасности, поскольку был гомосексуалом. И именно своему другу — единственному человеку, за исключением мужа, — Кэрол рассказала о своей тайне. Раскрыть ее было непросто, и тем не менее Кэрол пошла на это как-то ясным вечером, сидя с Боуи на заднем крыльце их с Дуайтом дома.

Джон, как обычно, болтал о двух предметах, составлявших его живейший интерес, — о книгах и фокусах, когда Кэрол неожиданно встала со своего места и сказала:

— Я ведь уже умирала, Джон, и много раз.

Хотя Боуи и славился своим чувством юмора, это заявление он принял серьезно — в серых глазах Кэрол не было и искорки веселья.

— Расскажи мне все, — попросил он, не меняя своей излюбленной позы: сам сидит в кресле-качалке, а ноги покоятся на высоком табурете. Кэрол тоже нравилась эта его поза, почему, наверное, она и решила открыть Джону свою тайну.

— Расскажи мне про каждый из случаев!

И Кэрол рассказала обо всем, что помнила. У врачей, сказала она, не было слов для описания того, что с ней происходит. Кома? Можно сказать и так, но это

не очень-то корректное выражение. Просто «состояние»? Поди-ка пойми. «Приступ»? Приступ длится недолго, а ее состояние могло тянуться днями и даже неделями. Она сама нашла подходящее слово — много лет назад. То место, куда Кэрол попадала во время своих приступов, она назвала *Воющий город*. Она сказала:

— Так я его назвала, когда мне было восемь. Наверное, это все из-за Большой дороги. Тут же у нас тоже города. Вот и у меня был город. Только без шерифа, без дощатых тротуаров, без банка и пабов. Вообще без всего. Но это действительно город, город на Большой дороге. Несмотря на то что я его единственный житель.

Кэрол замолчала, и Джон увидел на ее лице странное и вместе с тем столь знакомое выражение — Кэрол вспоминала юность, времена, когда дала имя своим приступам и впервые впала в отчаяние от факта своей обреченности.

Она продолжила:

— Для постороннего я как бы... умирала. Сердце билось едва-едва. Если к губам поднести зеркало — никакого эффекта. Пульс не прощупывался. Света там нет, Джон. Я слышу, что вокруг происходит, но не могу и пальцем пошевелить. И ветер... он все время *воет*. Воющий город. Это ужасно!

Она рассказала Джону, как в первый раз испугалась этого состояния полной изоляции и как потом ее мать, Хэтти, в таких случаях всегда старалась погромче шуметь в своей мастерской, чтобы не рвались связи Кэрол с реальным миром.

— Без Хэтти я бы сломалась. Сошла бы с ума.

Она рассказала Джону о хриплом дыхании, которое слышала в Воющем городе. Это была музыка города, хотя Хэтти сказала ей, что, вероятно, она про-

сто слышала свое собственное дыхание. И еще Кэрол рассказала Джону о том, как это с ней происходит.

— Как только это начинается, я словно бы... *падаю*. Впадаю в кому и ничего не чувствую, пока не приду в себя.

Кэрол рассказывала, и Джон видел, как с каждым словом с ее плеч словно бы спадает тяжесть. Он знал, что о своих состояниях она не говорила никому, кроме Дуайта. Наверное, думал он, ее смущали эти приступы и она была убеждена: всякий, узнавший о ее коме, бежал бы от нее без оглядки, лишь бы не брать на себя груз этих сведений. Оказывается, кое-кто так и сделал — давным-давно. Джон выслушал Кэрол внимательнейшим образом и поделился своими мыслями. Пока он говорил, Кэрол поняла, почему она внезапно для самой себя решила открыть свою тайну другу. Она сделала это не только из соображений безопасности, хотя это, вероятно, была главная причина: если Дуайт умрет, кто сможет сказать, что у Кэрол приступ, что она пребывает в состоянии комы? Кто будет знать, что она жива?

Нет, рассказывая о своей тайне Джону, она еще хотела услышать, что он об этом думает. А Джон мог многое сказать. Сколь темным был Воющий город, столь же светлым был ум Джона Боуи.

И вот Джон Боуи мертв. И лежит босой, в сером костюме, на неровном дне могилы, а Кэрол в своих желтых туфлях стоит над ее краем. Джон болел и знал, что смерть не за горами, а потому сам попросил, чтобы его хоронили без гроба. Кэрол проследила, чтобы последняя воля ее друга — натуралиста и пантеиста — была должным образом исполнена и он был предоставлен земле так, как того пожелал.

Прямо в землю, без лишних оболочек.

— Похоже, словно он... просто упал в могилу, — прошептал Дуайт на ухо жене, стоящей с ним плечо к плечу. Желтое платье Кэрол билось на ветру, который, казалось, даже не касался черного костюма Дуайта.

— Именно так он и хотел, — прошептала в ответ Кэрол. Если судить по голосу, сегодня она была гораздо старше своих тридцати восьми лет.

Распорядитель похорон Роберт Мандерс взгромоздился на подиум в голове могилы и рассказывал скорбящим то, что они знали и без него.

— Светлый ум, — перечислял Мандерс достоинства почившего, — энтузиаст, которого отличала страсть к знаниям во всех сферах науки...

Кэрол думала о тех фокусах, которые Джон исполнял на вечеринках. Оливки у него исчезали неведомо куда. Из ушей изрядно подпивших дам он извлекал сливы. Кэрол попыталась улыбнуться, но не смогла.

— В конечном итоге, — прошептал Дуайт, — фокусы не спасают никого.

— Что?

— Все это очень грустно, — ответил Дуайт. — Только и всего...

— Между вами так же много общего, как между мной и каким-нибудь дамским угодником, — сказал как-то Джон, когда Дуайта не было поблизости. — Мне кажется, он женился на тебе из-за твоих денег.

Но Кэрол шутка не понравилась, о чем она не преминула заявить.

Дуайт приветливо кивнул своей знакомой, Лафайетт, стоявшей по ту сторону могилы. Кэрол перехватила этот знак внимания. Из всех деловых партнеров, с которыми так или иначе был связан Дуайт, эта Лафайетт нравилась ей меньше всех. Ее живот гордо

нависал над черным кожаным поясом, испытывая на прочность серебряные пуговицы на белой шерстяной блузке. Кладбищенский ветер играл с ее длинным «конским хвостом», разбрасывая волосы по изборожденному глубокими морщинами лицу. Кэрол эта женщина всегда казалась ведьмой, и она с трудом могла представить, чтобы Джон Боуи, такой чудесный, лежавший теперь босым в сырой могиле, мог в жизни хоть словом перебраться с этой напыщенной ханжой.

Не исключено, что отсутствие гроба заставило консервативно мыслящего Мандерса побыстрее свернуть погребальную речь. Да, собственно, и сам Боуи свернул свою жизнь несколько более поспешно, чем ожидала Кэрол. С Болезнью не шутят. Хотя Кэрол, столько раз уже умиравшая, страшилась Болезни и смерти меньше, чем все остальные.

— Черт бы их всех побрал! — прошипел Дуайт. — Это невыносимо.

Кэрол, едва не касаясь губами уха мужа, прошептала:

— Заткнись, Дуайт!

У Дуайта с Джоном было так же мало общего, как и у этой ведьмы, Лафайетт. Обычно это страшно удручало Кэрол. Как это ее угораздило выйти замуж за человека, который ни в грош не ставит блеск и очарование ее любимого друга? Почему Дуайт никогда не смеялся шуткам Джона? Почему...

Но сегодня предметом ее горя был не Дуайт.

Хотя, стоило это признать, согласия между ними не было.

— Это потому, что он, в отличие от меня, ничем не интересуется и не задает вопросов, — сказал однажды Джон. Кэрол как будто наяву слышала голос

Боуи. — Но у него множество других достоинств, пусть и скрытых.

Джон всегда шутил. Но, что было куда важнее, он заставлял Кэрол смеяться.

Кэрол посмотрела на губы Джона — как раз в тот момент, когда могильщики Лукас и Хэнк принялись лопатами бросать землю на его грудь и лицо. Затем своим внутренним слухом Кэрол услышала слова, которые Джон никогда не говорил и которые он наверняка произнес бы сейчас, если бы мог.

— Кому еще вы расскажете? — сказал бы Джон. — Кто-то обязательно должен знать. А что, если вы впадете в кому прямо сейчас, а Дуайт умрет, пока вы там будете находиться? Обязательно нужна страховка. Безопасность прежде всего. Меня больше нет. Сделайте так, чтобы мой дух и дух вашей матери были спокойны. Расскажите кому-нибудь еще.

— Нужно еще кому-нибудь рассказать, — неожиданно прошептала Кэрол. Дуайт повернулся к ней.

— Рассказать что? — спросил он.

Мандерс закрыл свою записную книжку, Лукас и Хэнк уже почти засыпали могилу, а Кэрол стояла и повторяла:

— Нужно рассказать кому-нибудь еще...

— Идем, дорогая, — сказал Дуайт, потянув ее за локоть в сторону, куда уже отправились остальные участники церемонии. — Обсудим это дома.

Только вот понял ли Дуайт, что она имела в виду? Кэрол была не уверена. Ну не может же он быть таким тупым! Ее мать, Хэтти, сразу бы сообразила и немедленно принялась бы разрабатывать детали плана «Б». И Джон бы сообразил.

Дуайт раскланялся с Лафайетт и повел Кэрол прочь от свежей могилы.

— Ну, что у тебя? — спросил он.

Кэрол двинулась к их экипажу.

— Что у тебя? — повторил Дуайт.

— Что у меня? У меня умер лучший друг. Только и всего.

— Поверь, я разделяю твои чувства, — отозвался Дуайт, догоняя ее.

Хотя Кэрол было и неприятно в этом признаться, но в отношении Дуайта Джон редко ошибался. А недавно ее муж вообще изменился. Десять, пять, даже три года назад Дуайт держал ее за руку, свободной рукой обняв за плечи, и готов был обсуждать с ней любую тему, которой она интересовалась.

Джон Боуи умер. Кто-то другой должен узнать о Воющем городе.

Хотя для Кэрол Эверс было невероятно тяжело рассказать об этом кому-то еще.

Когда-то она уже обожглась...

Сидя в экипаже, она открылась Дуайту, и обсуждение началось.

— Теперь никто, кроме тебя, ничего не знает, — сказала она, и страх оказаться беззащитной заглушил на время неизбывную печаль по умершему Джону.

— Не знает чего, дорогая? — спросил Дуайт с видом волчонка, отбившегося от стаи.

— Я говорю о своих *состояниях*. О коме. О приступах.

Дуайт кивнул, но Кэрол не смогла определить, что означал этот кивок.

— Никто теперь о них не знает, — сказал он.

— Кто-нибудь, кроме тебя, должен быть осведомлен. Если этого не будет... есть риск, что со мной поступят не так, как нужно.

Дуайт расхохотался.

Ошеломленная, Кэрол выпрямилась на своем сиденье.

— Тебе смешно?

— Как же не смеяться, Кэрол? Сама подумай, какова вероятность того, что ты немедленно впадешь в кому, а я, не дожидаясь твоего возвращения, отдам концы?

Он произнес это так беспечно, что Кэрол стало немного стыдно за то, что она разозлилась. И тем не менее...

— Если Хэтти меня чему-то и научила, так это не терять время в подобных случаях. Мы просто обязаны кому-то все рассказать. Когда я впадаю в кому, врач не способен даже пульс определить. И, черт побери, Дуайт, ты должен был сам завести этот разговор!

— Прости, Кэрол! Кому бы ты хотела рассказать?

Кэрол услышала отдаленное эхо хриплого дыхания. А, может быть, это просто дышат лошади, везущие их домой?

— Фарре.

— Горничной?

— Да.

Дуайт, подумав мгновение, произнес:

— Не думаю, что это подходящий вариант. Фарра болтушка.

— Ну и что?

— Но ты ведь держишь это в тайне, верно? Я просто думаю о тебе.

Но он не думал о ней, и Кэрол знала это.

— Фарра — самый лучший вариант, — сказала она. — Фарра умная и добрая. И она нам ближе всех.

— Но у нее же муж пьяница. Этот Клайд. Как зальет zenки, так и пойдет чесать языком. Все же все узнают.